РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 911.37

ЗОНЫ МИГРАЦИОННОГО ПРИТЯЖЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ЦЕНТРОВ РОССИИ

© 2026 г. Л.Б. Карачурина*, Н.В. Мкртчян**
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
** e-mail: lkarachurina@hse.ru*
*** e-mail: nmkrtchyan@hse.ru*

Переселение для получения высшего образования является одним из самых масштабных и интенсивных миграционных потоков в большинстве развитых стран, и Россия не является исключением. Направленность потоков учебной миграции определяется многими факторами. Среди них традиционно значимы детерминанты базовой гравитационной модели: численность населения центров, участвующих в миграционном обмене, и расстояния между ними. Применительно к современным условиям расстояния влияют на миграцию не только впрямую через преодоление километров пути, но и косвенно: через географию городов, наличие и отсутствие в регионах центров и субцентров; через сложившуюся десятилетия назад сеть вузов и центров высшего образования, их статус и признание, принадлежность к «своему» или чужому региону. Цель работы – проанализировать размеры зон миграционного притяжения 160 образовательных центров России, полученные на основе «входящих» миграционных потоков из всех муниципальных образований страны. Расчеты сделаны для 18-летних мигрантов за 2011–2021 гг. Муниципальные образования России существенным образом различаются по выездной одно- или мультинаправленности потоков учебной миграции. Выделены центры, имеющие обширные межрегиональные зоны сбора учебных мигрантов и являющиеся только внутрирегиональными центрами. Высокая конкуренция за абитуриентов часто не позволяет сравнительно крупным и развитым городам – университетским центрам – распространять преимущественное влияние даже на свой регион. Размер получившихся зон тяготения российских городов, обеспечивающих приток учебных мигрантов, зависит от численности населения самих центров и состава зоны сбора (включении или невключении в нее крупных городов), но почти никак не связан с ее площадью. При важности университетов на направления учебной миграции также влияет общая миграционная аттрактивность центров и направленность миграционных процессов в стране.

Ключевые слова: города, образование, миграция молодежи, учебная миграция, муниципальные образования, абитуриенты, зоны влияния.

DOI: 10.5922/1994-5280-2026-1-3

Введение и постановка проблемы. Для многих россиян первое самостоятельное миграционное перемещение связано с получением профессионального образования после окончания школы. В России университеты сконцентрированы в крупных городах, выпускники школ из населенных пунктов, где нет возможности получать высшее образование, вынужденно переезжают с целью продолжения учебы; значительная миграция существует и между городами – университетскими центрами. Университетские центры, распространяя свое влияние, конкурируют друг с другом за абитуриентов, что определяет различные направления миграции молодежи на учебу[1]. Один из способов измерения и описания этих направлений – изучение зон миграционного тяготения. Каковы они по размеру? Чья зона больше: Москвы или Санкт-Петербурга? Новосибирска

[1] Учебная и образовательная миграция понимаются в данной статье как синонимы.

или Томска? Можно ли по количеству миграционных связей у образовательного центра сделать выводы о его привлекательности?

Обзор ранее выполненных исследований по теме. Вопросы формирования зон миграционного тяготения, или ареалов охвата университетских центров, получили развитие с началом активного применения гравитационных моделей. При разнообразии факторов (экономических, поведенческих, социальных [22; 27; 30]), определяющих поведение абитуриентов и распределение их потоков между университетами, в модель непременно включали численность населения, находящегося в возрасте окончания школы и потенциального поступления в вузы, и расстояния между пунктами исхода и назначения. В базовую модель вносились дополнения (например, переменную, связанную с наличием альтернативных промежуточных пунктов назначения, лежащих между центрами назначения и исхода [37]), она уточнялась и корректировалась [22; 28; 35], приобретала иные названия (в современной литературе можно встретить модели пространственного взаимодействия, модели конкурирующих направлений), однако базовые переменные – населения определенного возраста и расстояния – не опровергались.

Несмотря на кажущуюся простоту, расчеты зон на практике сталкивались с ограничениями в наличии сколько-нибудь точных данных о численности населения в 17–19 лет по населенным пунктам и возможностей оценки расстояний. Без современных подходов, связанных с геокодированием и автоматизированными механизмами расчета расстояний, сделать это было сложно, поэтому применялись разные методы. Так, для оценки экономико-географического положения городов по отношению к центрам развития высшего образования Е.Е. Лейзерович [9] использовал тарифные пояса железнодорожного пассажирского сообщения и число вузов (без педагогических и заочных), а также коэффициент трения, учитывающий необходимость пересечения административных границ. Выведенная им формула не ставила задачу очерчивания миграционного потенциала городов и вообще впрямую не затрагивала миграцию, но показала необходимость учета и разную значимость пересечения межрегиональных и межреспубликанских границ применительно к возможностям получения высшего образования в СССР и относительную «всеобщность» представленности в региональных центрах РСФСР педагогических вузов, делающую миграцию абитуриентов в них издалека лишенной смысла.

С. Вайтекунас [1] сравнивал три метода делимитации границ зон миграционного влияния двух соседних центров применительно к литовским городам и, решая эту методическую задачу, показал, что в условиях хорошо развитой транспортной сети Литвы вычисленные и реальные границы миграционных зон крупных городов совпадают и административные границы почти не влияют на реальные границы зон.

В отличие от работ Е.Е. Лейзеровича и С. Вайтекунаса, работы Ю.В. Свентэка [12; 13] моделировали миграцию абитуриентов. В частности, была разработана прогнозная модель расчета зоны потенциального сбора студентов, она верифицировалась на данных абитуриентов географического факультета МГУ и показала хороший прогностический потенциал. Была учтена не только численность населения взаимодействующих пунктов и расстояний между ними, но и неравномерность распределения населения.

В 1983 г. А.П. Катровский выполнил интересную работу [7], в которой показал, как разделяются зоны влияния вузов Москвы и Ленинграда для выпускников 268 школ Калининской, Смоленской и Ярославской областей. Было выявлено, что между Москвой и Ленинградом абитуриенты чаще склонялись ко второму, и его зона миграционного тяготения вклинивалась в Калининскую область сильнее, чем московская. При выборе направления для учебы важными оказывались не просто расстояния, а связанность (наличие мостов, регулярность сообщения, качество дорог), а также «память поколений». Впоследствии А.П. Катровский [8, с. 24] предложил формулу расчета потенциала поля центра высшего образования по аналогии с демографическим потенциалом.

Современные исследования ***миграции в университетские центры*** разделяют стейкхолдеров и уровни принятия решений об обучении: 1) индивидуальный – со стороны будущих студентов и их родителей; 2) университетов и их конкурентной привлекательности; 3) городов, в которых расположены университеты и их экономической

мощи [19; 36]. Анализируются масштабы [20] и факторы, определяющие участие в высшем образовании [23; 32; 34]; традиции уезжать из домашних населенных пунктов для обучения [24]; влияние тех или иных факторов на разные группы абитуриентов [39]. Устанавливаются взаимосвязи университетов с региональными экономическими системами в борьбе за свой «рынок» абитуриентов [26], выявляются сетевые эффекты выхода университетов за границы города и региона [17]. При этом зоны миграционного тяготения в явном виде не изучаются, ареалы подсвечиваются через факторы, способствующие или препятствующие миграции, включая фактор расстояний.

Расстояния – один из двух основных компонент в гравитационных моделях – сопоставляются с другими детерминантами миграции [21; 22; 27]. Например, делаются попытки понять противоречивость желания «учиться вдали от дома, но не слишком далеко», взвесить расстояния с образами разных частей страны в сознании студентов [33], поиска баланса между расстоянием переезда с последующей отдачей от инвестиций [19], определить, абитуриенты каких вузов более склонны преодолевать расстояния до мест обучения (исследовательские), а до каких – менее [25]. Т. Сухонен [38] для Финляндии выяснил, что увеличение кратчайшего расстояния до места обучения на 100 км в среднем связано с уменьшением вероятности выбора этого направления примерно на 15%. Однако влияние расстояния в некоторой степени варьируется в зависимости от наличия альтернатив выбора и специальностей [36]. В целом, расстояние представляет собой физический барьер для мобильности студентов: оно удерживает студентов от получения образования и от выбора лучших университетов, если они находятся дальше от дома [30].

Исследования по ***миграционным взаимодействиям*** территорий выхода (места рождения или места окончания школы) и вселения (университеты или университетские центры), хотя и опираются на гравитационные модели, в основном создаются как сетевые модели [29; 31]. Первые такие работы появились и в России. В работах Н.Ю. Замятиной [5; 6] показано, как через миграцию абитуриентов, а затем выпускников воспроизводятся специфические профессиональные сети российских городов, расположенных порой на огромных расстояниях друг от друга. В статье А.В. Смирнова [14], хотя и нет фокуса на миграции именно абитуриентов, показана применимость методов сетевого анализа для изучения отдельных видов миграционных потоков на разных типах данных. Были построены графы перемещений за несколько больших периодов, которые показали усиление в сравнении с позднесоветским периодом концентрации миграционных потоков на нескольких хабах. Крупнейшими из межрегиональных хабов являются Москва и Московская область, далее, со значительным отставанием – Санкт-Петербург, Краснодарский край. Межмуниципальные сети анализировались автором на основе цифровых следов из сети «ВКонтакте».

На основании этого же ресурса сделано несколько близких по содержанию работ К.А. Чернышова и Е.Ю. Петрова [15; 16], сводящих информацию о местах окончания школы и местах получения образования в нескольких регионах или макрорегионах России. Например, в Восточной Сибири имеется несколько муниципальных образований, молодежь которых ориентирована на центры не своих регионов, что в целом не часто встречается в России (например, Северобайкальск (Бурятия) тяготеет к Иркутску, а Орджоникидзевский район Хакасии – к Красноярску). Аналогично в работе по Курганской области [15] выделилось несколько муниципальных образований, которые, благодаря своему соседскому географическому положению, в миграции студентов оказались «разорванными» между Курганом, Екатеринбургом, Шадринском.

В исследовании внутрирегиональной миграции молодежи Башкортостана 15–19 лет Д.А. Гайнанова и А.Г. Атаевой [4] выявлено, что на расстоянии 150–180 км до центра региона – Уфы – ее влияние доминирует над другими образовательными центрами, но за пределами таких расстояний молодежь начинает тяготеть к соседним регионам, где находятся крупнейшие города и образовательные центры России – Екатеринбург, Казань. Таким образом, в нескольких российских исследованиях на разных данных и разными методами также предпринята попытка обрисовать зоны миграционного притяжения университетских центров.

В работе К. Андрис, З. Андрис [18] применительно к миграции студентов-спортсме-

нов в университетские центры на основе данных их биографий показывается, что чем шире и разнообразнее студенческий контингент, тем более «влиятельным» может считаться университет в плане способности изменять структуру расселения населения, преодолевать границы, поскольку именно это учебное заведение было выбрано в качестве места обучения вместо возможности обучаться дома. Таким образом, показателем престижа и привлекательности университета предлагается считать не просто способность привлекать студентов из-за пределов своего местонахождения [33], а представленность большого количества цепочек связей университета с местами выхода абитуриентов [18].

В данном исследовании мы предполагаем вместо престижности университета определять привлекательность (престижность) города – центра вузовского образования: чем больше количество миграционных связей у города-центра, тем престижнее этот вузовский центр. Но главное – мы хотим оценить, как складывается миграционное взаимодействие городов-центров вузовского образования в России со своими хинтерландами и каковы они по размерам. Мы предлагаем посмотреть на значимость городов – вузовских центров через оптику размеров зон сбора учебных мигрантов, предполагая, что размер последних напрямую определяет привлекательность центров. Анализ имеющейся литературы показывает, что применительно к студенческой миграции делается фокус либо на территориях выбытия абитуриентов, либо на университетах или университетских городах; на международной миграции по отношению к внутристрановой; на факторах миграции по отношению к картине миграционного ландшафта и миграционным связям. В этом смысле нам кажется, что данная работа позволит заполнить прорбел в понимании внутристрановых миграционных связей студентов между местами их обучения и местами окончания школы.

Материалы и методика исследования. В статье использованы индивидуальные деперсонифицированные данные внутрироссийских мигрантов в возрасте 18 лет за 2011–2021 гг. Возраст 18 лет выбран исходя из того, что, согласно расчетам, основанным на данных формы № ВПО-1 Минобрнауки России[2], на него приходится самое большое число поступивших в бакалавриат или специалитет, в этом же возрасте большинство российских школьников заканчивают 11-й класс. Согласно нашим расчетам, именно среди 18-летних мигрантов самая большая доля указавших при переезде учебу как причину миграции. Подобный подход применялся в работе [2].

Выбор точек – пунктов назначения миграции основывался на данных о числе бюджетных мест в вузах, размещенных на сайте «Вузопедия» (https://vuzopedia.ru/). В отдельных случаях данные верифицировались информацией о Мониторинге качества приема в вузы (https://ege.hse.ru/about). Основные ограничения используемых данных состоят в том, что:

- они содержат информацию о текущем числе бюджетных мест в вузах, а данные о миграции анализируются за 2011–2021 гг. Начало этого периода характеризовалось активной компанией по оптимизации системы высшего профессионального образования [3]. Однако реформирование касалось главным образом небольших по числу студентов учебных заведений, часто филиалов вузов. Предполагаем, что их закрытие вряд ли серьезно изменило общий рисунок направлений миграционных потоков, складывающихся после окончания средней школы;
- поскольку используемые данные ориентированы на помощь в выборе университетов абитуриентами, в них отсутствует информация, остаются ли после приемной компании места вакантными или они соответствуют числу принятых студентов;
- источники не содержат информации о числе мест в вузах силовых ведомств.

Расчеты велись по всем городам, число бюджетных мест в университетах которых превышало 500, и отдельные города, с числом бюджетных мест, близким к этому значению. Число мест в вузах, согласно данным Вузопедии, скорее завышено, в реальности этот порог (500 мест) еще ниже, что расширяет число городов, включенных в анализ.

[2] Начиная с 2016 г., с которого доступны данные по возрастному составу принятых в вузы по уровням образования, в общем распределении по возрастам доля 18-летних, поступающих на очное обучение в бакалавриат и специалитет, находилась в диапазоне от 53,7% (2016 г.) до 56,6% (2021 г.).

В результате были рассчитаны данные по въезду 18-летних мигрантов в 160 российских городов. Среди них главным образом крупные города, однако некоторые города с численностью населения свыше 100 тыс. чел. отсутствуют. Среди них – расположенные в пригородах других крупных городов (Балашиха, Мытищи, Энгельс, Ангарск и т.п.), так как в них либо нет вузов, либо приезжающие в них 18-летние мигранты скорее ориентированы на обучение в центрах их агломераций.

Однако в списке присутствует г. Долгопрудный как наиболее яркий пример самостоятельного центра притяжения учебных мигрантов.

В анализируемый список, кроме городов с большим числом бюджетных мест, были включены такие города, как Рыбинск, Сызрань, Волжский, Невинномысск, Миасс и др., а также две региональные столицы – Биробиджан и Магадан. Все города, в которых находятся федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, университеты, получающие поддержку в рамках проекта 5-100, опорные вузы, включены в анализируемый список. Эти вузы находятся в 48 городах, чаще всего – крупнейших по числу жителей.

18-летние мигранты, которые переехали в населенные пункты России, кроме данных 160 городов, были объединены в две группы: переехавшие в города с небольшими вузами и филиалами; переехавшие в места, где вузов и филиалов нет.

Места исхода мигрантов детализированы до муниципальных образований (МО) первого уровня (муниципальных районов, муниципальных округов, городских округов) 85 регионов Российской Федерации, общим количеством 2344.

Без учета автовозврата число переездов 18-летних за указанный период составило 1 190 тыс. чел., в том числе 928,1 тыс. (78%) переехали в 160 изучаемых городов. Полагаем, что эти переезды осуществлялись преимущественно в целях поступления и учебы в вузах. Структура остальных переселений следующая: 54,3 тыс. чел. (4,6%) мигрировали в города, где есть небольшие вузы (с малым числом бюджетных мест), 207,6 тыс. (17,4%) – в населенные пункты, где вузов нет.

На основе вышеописанных данных для каждого МО был определен город, в который выехало самое большое число мигрантов в возрасте 18 лет, этот город назван нами городом «первого приоритета». Если два города делили 1-е место (такие случаи единичны), предпочтение отдавалось территориально более близкому, например, столице «своего» региона. Все муниципальные образования, для которых город N оказывался на 1-м месте, считались ***зоной его миграционного притяжения***. В итоге было рассчитано население каждой из выделенных зон миграционного притяжения на дату переписей 2010 и 2021 гг., а также площадь территории муниципальных образований, в нее включенных. Подобный метод успешно применялся в [11].

Результаты исследования. Согласно имеющимся данным, общая численность мигрантов в возрасте 18 лет, прибывших в выделенные 160 городов, за 2011–2021 гг. составила 928 тыс. чел., из них 52,6% сменили регион, 47,4% переехали в пределах своего региона, что в целом соответствует пропорциям внутри- и межрегиональной миграции в России.

По числу прибывших мигрантов явно лидировали Санкт-Петербург и Москва, с большим отрывом от них следовали другие города-миллионники (рис. 1). Из общего «правила» притяжения по принципу ранга-размера «выбиваются» Томск, Хабаровск и Якутск – в них прибыло больше, чем в некоторые миллионники, в то же время Омск занимает в этом ряду сравнительно скромное место.

Не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Новосибирске, Томске, Воронеже, Ярославле, Рязани и ряде других городов ***межрегиональных*** учебных мигрантов прибывает значимо больше, чем внутрирегиональных.

Напротив, в Уфе, Перми, Барнауле, Кемерово, Чите, Архангельске явно преобладают ***внутрирегиональные*** переезды. В Якутске при большом числе внутрирегиональных мигрантов межрегиональных почти нет. Если брать только внутрирегиональных мигрантов, по их числу среди всех городов лидирует Уфа. Москва и Санкт-Петербург, возможно, обошли бы ее, но прибывшие из пристоличных областей являются межрегиональными. В целом чем меньше по численности населения размер центра, тем большую долю в потоке мигрантов в него формирует внутрирегиональная миграция. Исключения

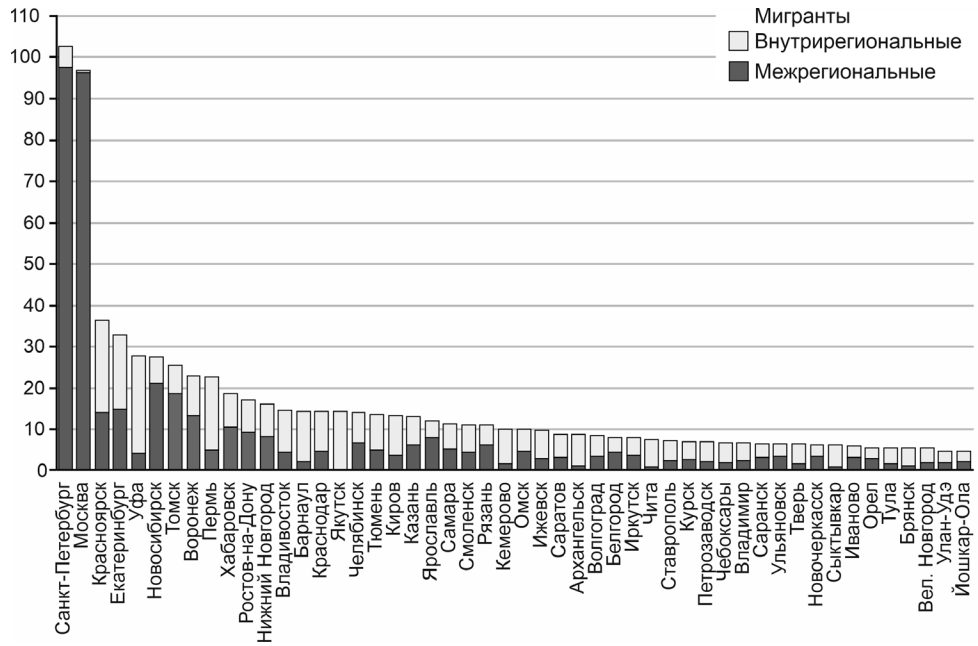

Рис. 1. Первые 50 центров России по числу прибывших мигрантов в возрасте 18 лет, 2011–2021 гг. (города ранжированы по общему числу прибывших).

Источник: составлено авторами по данным Росстата, предоставленным по запросу.

составляют центры, расположенные на границе регионов (Магнитогорск), совершенно особый случай – г. Долгопрудный (здесь расположен НИУ МФТИ), приток учебных мигрантов в который формируется многими малыми потоками межрегиональных мигрантов со всех частей страны.

В целом приток мигрантов в каждый из городов, формирующий их миграционные зоны, состоит из множества потоков из разных муниципальных образований. В свою очередь, муниципальные образования России существенным образом различаются по выездной одно- или мультинаправленности потоков учебной миграции. Доля одного, крупнейшего потока выезда, имеет большой диапазон. В отдельных МО на единственный город может приходиться более 90% всех выехавших учебных мигрантов, в то же время есть МО, где эта доля составляет всего 4–7%.

К числу МО, направления учебной миграции из которых узконаправлены и ***ориентированы на один центр притяжения***, прежде всего относятся муниципальные районы и округа близ сильного центра учебной миграции, например, Томска, Красноярска, Екатеринбурга, Хабаровска, Казани и т.п.

Напротив, выезд из крупных городов демонстрирует выраженную ***мультинаправленность,*** т.е. для этих МО при выезде на учебу ***доля первого направления невелика***. Например, больше всего учебных мигрантов из Москвы едут в Санкт-Петербург, но это направление занимает лишь 8% всего потока выезжающих; для выпускников школ Новосибирска главное направление выезда – Томск, но на него приходится только 16,5% общего потока. Также малая доля переезжающих в одном направлении отмечается, если большинство или очень значимая доля 18-летних выезжали в населенный пункт, имеющий небольшой вуз, не из числа выбранных 160 городов, или в населенные пункты, где вузы отсутствовали. К этой группе относятся, например, отдельные МО республик Дагестан, Чечня, Ингушетия. Такие потоки мы не считали учебными: учебная составляющая в них может присутствовать, но она, вероятно, не доминирующая. Получается, такие потоки не узконаправлены, но учебная составляющая в них снижена (табл. 1).

В среднем на главное (первое) направление миграции приходится 40%; если не учитывать переезды в города с малыми вузами или в населенные пункты, не имеющие вузов, то эта доля возрастает до 51,7%. На три потока учебной миграции (первое, второе и третье крупнейшие направления миграции)

Таблица 1. Распределение муниципальных образований России по доле самого крупного направления миграции в общем потоке

Доля первого города в суммарном потоке, %	Число МО в группе		Население группы МО, 2021 г.	
	единиц	доля, %	тыс. человек	доля, %
более 80	40	1,7	779,7	0,5
70–79,9	152	6,5	3 363,6	2,3
60–69,9	301	12,8	8 426,8	5,8
50–59,9	370	15,8	17 611,4	12,0
40–49,9	425	18,1	16 624,1	11,4
30–39,9	499	21,3	28 773,7	19,7
20–29,9	379	16,2	41 874,5	28,7
менее 20	178	7,6	28 710,9	19,6
ИТОГО	2 344	100	146 164,7	100,0

Здесь и далее рассчитано авторами по данным Росстата, предоставленным по запросу.

в среднем по всем МО приходится 60% всех переездов, если исключить направления миграции, не связанные преимущественно с учебой, то 77%.

Общие характеристики зон притяжения образовательных центров. Разделение территории России на зоны притяжения городов – университетских центров показало, что из 160 анализируемых городов зоны притяжения, то есть МО, для которых эти города являются первыми в выборе абитуриентов-мигрантов, имеют 113.

Зоны притяжения двух крупнейших центров – Санкт-Петербурга и Москвы (табл. 2) – объединяют 47,3% населения всех МО России (включая население и самих данных городов – Москва и Санкт-Петербург в соответствии с действующей методикой отнесены к зоне тяготения Санкт-Петербурга[3]). К первым 15 крупнейшим образовательным центрам тяготеют МО, доля населения которых в численности всех выделенных миграционных зон составляет 71,3%. Первые 50 городов собирают учебных мигрантов из МО, в которых проживали 93,7% россиян. Таким образом, реальное число учебных центров, притягивающих абитуриентов-мигрантов в России, составляет не более 50–60.

При этом размер зон притяжения отдельных городов (по площади в км^2) практически не связан с численностью проживающего в них населения. Так, крупнейшие по площади миграционные зоны имели Красноярск, Якутск, Хабаровск, Тюмень и Магадан. По площади зоны притяжения Санкт-Петербург находится на 6-м, Москва – на 33-м, а Екатеринбург – на 15-м местах. То есть наличие обширной малозаселенной зоны притяжения не означает большого потока учебных мигрантов в центр; зоны ведущих центров формируют прежде всего потоки из крупных городов, площадь территории которых невелика и может не превышать суммарно территорию одного муниципального района. Поэтому под размером зоны в данном исследовании понимается не ее площадь, а численность населения, проживающего во входящих в нее МО.

К числу крупнейших центров учебной миграции, помимо двух столиц, относятся прежде всего города-миллионники. Среди них менее притягательны для учебных мигрантов, несмотря на размер города – Волгоград, Пермь и в особенности Омск, размер зоны притяжения которого уступает зоне Ростова-на-Дону или Краснодара более чем в 4 раза. Обратный пример – Томск, по числу жителей равный Иркутску или Ставрополю, но по численности жителей зоны притяжения вполне сопоставимый с городами-миллионниками.

Отметим, что в численности населения зоны притяжения большой вес имеют потоки из крупных городов. Величина зоны притяжения Москвы объясняется, прежде всего, включенностью в нее не только основной части Московской области, но и региональных столиц, а также крупных городов почти всего Центрального ФО, большинства крупных центров Приволжского, Южного и Северо-Кавказского ФО.

[3] Для Санкт-Петербурга – сам Санкт-Петербург благодаря внутригородской миграции (между городами Павловск, Петродворец, Колпино, Сестрорецк и т.п.) – первое направление переселения 18-летних. У Москвы – Санкт-Петербург – первое направление миграции.

Таблица 2. Крупнейшие образовательные центры по численности населения зоны притяжения в учебной миграции (ранжированы по численности населения, проживающего в выделенной миграционной зоне)

Города-центры	Численность населения в зоне, тыс. чел.*	Площадь территории, тыс. км²	Характеристики населения зоны:			
			≥50% потока из МО приходится на центр		размер зоны вне своего региона	
			тыс. чел.	в % от всей зоны	тыс. чел.	в % от всей зоны
Санкт-Петербург	40 427,3	628,7	7 607,0	18,8	33 327,6	82,4
Москва	28 651,5	87,7	748,6	2,6	21 998,1	76,8
Екатеринбург	3 565,8	222,8	1 843,4	51,7	843,6	23,7
Ростов-на-Дону	3 540,0	106,6	141,6	4,0	610,0	17,2
Краснодар	3 453,5	61,8	188,7	5,5	421,6	12,2
Новосибирск	3 064,7	425,5	830,6	27,1	1 925,6	62,8
Уфа	2 978,4	142,8	800,3	26,9	60,4	2,0
Красноярск	2 920,3	2 728,7	1 402,1	48,0	1 335,0	45,7
Томск	2 796,4	318,2	338,5	12,1	2 303,0	82,4
Воронеж	2 673,2	74,1	1 259,4	47,1	1 367,7	51,2
Самара	2 345,3	67,0	583,7	24,9	388,2	16,6
Казань	2 224,4	45,6	444,4	20,0	54,3	2,4
Нижний Новгород	1 952,7	75,8	705,2	36,1	34,4	1,8
Тюмень	1 895,2	772,1	383,6	20,2	1 150,1	60,7
Челябинск	1 669,3	86,0	538,8	32,3	125,9	7,5

* в среднем за 2011–2021 гг., согласно данным переписей населения 2010 и 2020 гг.

Санкт-Петербург лидирует за счет самого себя, включении в его зону Москвы с ее огромным населением, крупных городов Северо-Западного ФО, большинства центров Уральского, Сибирского и Дальневосточного ФО. Ориентацию выпускников школ регионов востока страны на миграцию в Санкт-Петербург подтверждают работы Н.Ю. Замятиной [6], наши экспедиционные исследования[4]. Зону Томска сильно увеличивает включение в нее Новосибирска и Кемерово.

В целом большие МО (с числом жителей свыше 100 тыс. чел., в большинстве представленные крупными городами) включены в зоны притяжения 37 изучаемых центров учебной миграции (рис. 2). Гипотетически без учета этих крупных МО население миграционной зоны Санкт-Петербурга будет таким же, как Екатеринбурга и Красноярска (2,3 млн чел.), а Москва с 3,5 млн чел. обойдет их в полтора раза. Отметим, что зона Ростова-на-Дону и Уфы велика не столько за счет входящих в нее крупных городов, но и благодаря большим пригородным муниципальным районам, а Краснодара – еще и за счет крупных курортных муниципалитетов (Геленджик, Анапа).

Как отмечалось выше, отдельные потоки из крупных городов не имеют высокой интенсивности, распыляясь между разными центрами; потоки из МО с малым населением более узконаправлены. Поэтому для всех городов-центров была выделена также ***«зона исключительного притяжения»***, которую образуют те МО, более 50% выпускников школ которых выезжают в тот или иной (но один) центр учебной миграции. В нашем понимании зона исключительного притяжения – это территория распространенности монопотоков, на которой данный центр абсолютно доминирует. Население этих зон в целом оценивается в 30,2 млн чел., или 20,6% от всего населения России. Для отдельных центров она очень невелика относительно всей зоны. Например, у Москвы она составляет только 2,6% от всего населения общей зоны, также мала она у Ростова-на-Дону, Краснодара,

[4] «Выпускники выбирают большие города: Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск. Однако особенностью для Сахалина является то, что выпускники предпочитают Москве Санкт-Петербург» [Экспедиция «Долговременная и временная миграция в восточном регионе страны в свете длительного влияния «западного дрейфа» (на примере Сахалинской области)», 2021 г.] [Электр. ресурс]. URL: https://foi.hse.ru/openrussia/migration-sakhalin. (дата обращения: 04.12.2025).

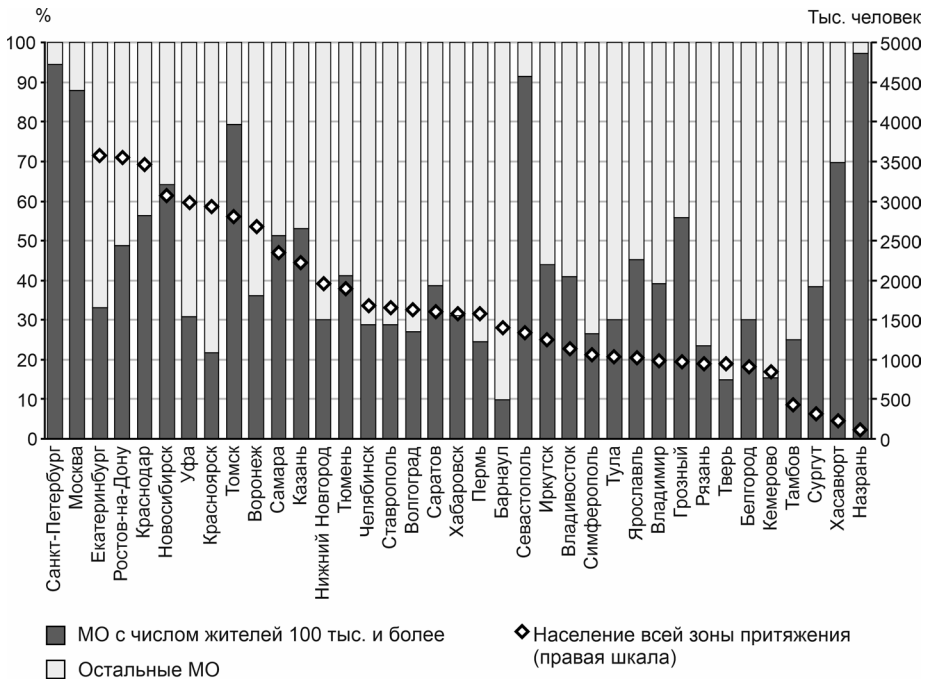

Рис. 2. Зоны притяжения городов, имеющие в своем составе муниципальные образования с числом жителей более 100 тыс. чел. (ранжированы по численности населения зоны тяготения)
Источник: составлено авторами по данным Росстата, предоставленным по запросу.

Ставрополя и ряда региональных столиц Центральной России, сравнительно невелика – у Томска, Санкт-Петербурга и Казани. При этом у Якутска зона исключительного притяжения составляет 93,5% от всей, выше 80% она также у Перми, Омска, Смоленска и Петрозаводска. Из наиболее крупных зон высока доля исключительного притяжения у Екатеринбурга, Красноярска и Воронежа. Т.е. крупнейшие центры чаще всего собирают абитуриентов с большой территории, но потоки их среднеинтенсивны, тогда как средние по размеру центры могут привлекать учебных мигрантов с ограниченной территории, но доминировать на ней.

Чаще всего зона притяжения и тем более исключительная зона ограничивается «своим» регионом, однако 70,2 млн чел., или 48,1% от населения всех зон притяжения собирались за счет межрегиональной миграции. Формально эти цифры еще больше, но для Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя МО Московской, Ленинградской областей и Республики Крым считались «своим» регионом. Соответственно, оставшаяся половина учебных мигрантов поставлялась по каналу внутрирегиональной миграции.

Из 113 городов межрегиональную зону имели 54. Среди них выделяется 41 город-центр, в которых преобладала внутрирегиональная зона притяжения (у Красноярска, Иркутска, Ярославля, Рязани, Астрахани и Великого Новгорода это преобладание было неявным). Среди остальных центров большой долей внешней зоны отличались Санкт-Петербург, Москва, Томск, Новосибирск, Тюмень, а также Хабаровск.

Отметим, что внешней зоны совсем нет у таких сравнительно крупных центров, как Киров, Оренбург и др. Причина – высокая конкуренция за абитуриентов с более сильными центрами. Особенно удивительно, что среди данных городов есть те, в которых созданы федеральные университеты (Ставрополь, Калининград, Владивосток, Национальные исследовательские университеты (Пермь, Саратов). Очень мала внешняя зона у Архангельска (есть федеральный университет) и Белгорода (создан национальный исследовательский университет). В то же время Хабаровск имеет значительную внешнюю зону, но ни один из вузов города не имеет статуса даже опорного вуза. При этом, например, Сочи, имеющий опорный вуз,

совсем лишен зоны притяжения, и это – в сравнительно низкоконкурентной среде.

Слабые центры притяжения учебных мигрантов. В России региональные столицы выступают основными «операторами» миграции, они являются ключевыми миграционными партнерами для практически всех муниципальных образований своего региона[5]. Однако в анализируемых данных по учебной миграции это не вполне так, выделяется немалое количество регионов, в которых региональная столица не является доминирующим центром притяжения для выпускников школ «своих» муниципальных образований. Так, в Мурманской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО более половины муниципальных образований тяготеют к центрам других регионов, вузы в региональных столицах многих северных регионов не очень успешно конкурируют за местных выпускников школ с Санкт-Петербургом и крупными городами южной части страны. Отметим, что даже в зону притяжения Москвы входят не все МО Московской области, в отдельных местах столицу опережают конкуренты – Рязань, Владимир и Тверь.

В северных регионах слабая притягивающая сила столиц объясняется их скромными размерами, небольшим числом вузов (при этом далеко не самых топовых) и сложившимся за десятилетия общим трендом оттока населения в юго-западном направлении [10]. Как показывают результаты студенческих экспедиций, город переезда на учебу выбирается в том числе как конечная цель переезда всей семьи. Но и в более обжитой, южной части страны ряд региональных столиц не выдерживает конкуренции с соседними центрами. Самый явный пример такого рода – Курганская область. Из 26 МО области к зоне Кургана принадлежат 13, еще 3 – к зоне Шадринска (средний по численности населения город с университетом), 2 (включая Курган) – Тюмени, 2 (включая Шадринск) – Екатеринбургу, 6 – Челябинску. К зоне исключительного притяжения Кургана не относится ни одно МО, при этом в 2 МО более 50% выпускников школ уезжают в Челябинск, в одном – в Шадринск. Те же города занимают, чередуясь между собой, 2 и 3 места в предпочтениях выпускников школ. Исследование, выполненное по цифровым следам учебных мигрантов Курганской области [15], хотя и демонстрирует существенно более выраженную направленность на собственный региональный центр, тоже выявляет несколько муниципалитетов, молодежь которых ориентирована не на Курган.

В Липецкой области из 20 муниципальных образований только 2 направлены на Липецк и один – на Елец, остальные 13 входят в зону притяжения Воронежа и 4 – Москвы. Города области не включают в исключительную зону ни один МО, тогда как Воронеж является таким для трех. Липецк и Елец делят в этих муниципальных образованиях второе–третье места с Воронежем и Москвой. Слабые позиции Липецка относительно Москвы понятны, но такой заметный проигрыш соседнему центру явно свидетельствует о проблемах вузов Липецка.

Вузы Кемерово конкурируют за выпускников школ с Новокузнецком, а также Томском и Новосибирском, в результате зона притяжения Кемерово объединяет 20 МО из 34. Оренбург может рассчитывать на выпускников 23 из 42 МО своей области, еще 4 входят в зону Орска, 8 – Самары, 4 – Санкт-Петербурга, по одному – Екатеринбурга, Челябинска и даже Альметьевска. Северо-Западная часть Иркутской области тяготеет к Красноярску, а Иркутск и Ангарск – к Санкт-Петербургу. Из 44 МО Краснодарского края на Краснодар ориентированы 34, остальные – на Санкт-Петербург, Москву и Ростов-на-Дону. В Дагестане из 51 МО только 20 входят в миграционную зону Махачкалы, 6 – Дербента и Хасавюрта, 12 – Москвы, по 3 – Астрахани и Сургута, 2 – Санкт-Петербурга, 1 – Новочеркасска. Схожая ситуация и в других регионах Северо-Кавказского ФО.

Таким образом, ограниченные возможности конкуренции за учебных мигрантов с более крупными или более авторитетными образовательными центрами отмечаются у центров 20–30 регионов России. Одновременно это расширяет возможности для привлечения их абитуриентов более сильными образовательными центрами.

[5] См., например: Оценка зон влияния региональных центров Европейской части РФ [Электр. ресурс]. URL: https://statistic-rus.livejournal.com/?skip=40 (дата обращения: 04.12.2025).

Обсуждение результатов исследования и выводы. Рассмотренные в статье разные характеристики миграционной аттрактивности центров учебной миграции в России, направленности потоков учебной миграции и особенностей зон сбора мигрантов позволяют выявить ряд ключевых их черт.

Прежде всего, и это самый ожидаемый вывод: поток учебной миграции напрямую связан с величиной (людностью) центра. Однако имеется ряд исключений из этого правила, связанных с:

– взаимным расположением центров. Пермь, Омск, Уфа, Барнаул, Кемерово, тем более – Липецк и Курган, находясь вблизи более крупных многопрофильных образовательных центров, в лучшем случае могут распространять свое преимущественное влияние только на свой регион, а часто – уступать часть его другим центрам. Верно и обратное – слабость соседнего центра является благоприятной возможностью перетянуть у него часть выпускников, чем активно пользуется, например, Воронеж;
– наличием в регионе субцентров, способных перетянуть на себя часть внутрирегиональных учебных мигрантов. Новокузнецк сужает зону сбора учебных мигрантов Кемерово, Череповец – Вологды, Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга, Альметьевск – Казани, Орск – Оренбурга, Елец – Липецка и т.п. Но в то же время, Бийск и Рубцовск – слабые конкуренты Барнаулу, Старый Оскол – Белгороду, Сочи – Краснодару, Нижний Тагил – Екатеринбургу;
– ряд центров, таких, как Томск и Хабаровск, выигрывают благодаря качеству вузов и, возможно, «колеи» сложившихся потоков учебной миграции.

Как бы ни были важны университеты, на направления учебной миграции влияет общая направленность миграции в стране. Поэтому городам севера и востока страны сложнее удержать своих выпускников школ, а Москве, Санкт-Петербургу и, например, Краснодару легче их привлечь. Руководствуясь этим правилом, можно думать, что «западный дрейф» не дает развиться университетам во Владивостоке, но более успешный в образовательной миграции Хабаровск вряд ли находится в более «выгодном» положении на оси «запад-восток».

Определенную роль в учебной миграции, поддерживающую вузы в региональных центрах ряда республик, может играть этнический фактор. Т. Хоар [33] описывал, что студенты из Шотландии и Северной Ирландии не подают заявления за пределами своего региона проживания, создавая для своих местных университетов нечто вроде закрытого рынка. Якутск стягивает на себя большой поток молодежи со своего региона, но не имеет никакого влияния за пределами Якутии. Заслуживают внимания и республики Приволжья, в которых региональные столицы и иные университетские центры замыкают на себе практически всю территорию регионов. Уступки соседям также могут отчасти объясняться этническим фактором: Мирнинский и Ленский улусы Якутии, населенные преимущественно русскими, в учебной миграции меньше тяготеют к Якутску, чем к Новосибирску или Томску.

Принадлежность разных муниципальных образований зоне притяжения того или иного центра учебной миграции с большей очевидностью может быть определена для небольших по числу жителей МО. У многих из них потоки в большей мере однонаправлены. Отнесение МО, представленных крупными городами, имеющих мультинаправленные миграционные потоки, к той или иной зоне притяжения менее однозначно. Но, согласно использованной в данном исследовании методике, численность населения зоны притяжения является ключевым показателем ее величины, и она зависит прежде всего от крупных городов, входящих в зону.

В современной России более 40% населения проживают в крупных городах, и в целом население сконцентрировано в сравнительно небольших по площади крупногородских агломерациях с большим числом вузов. С одной стороны, это ведет к тому, что многие жители этих городов и агломераций не нуждаются в переезде на учебу (например, житель Москвы или Санкт-Петербурга почти всегда найдет подходящее место обучения в своем городе). С другой стороны, потоки миграции формируются в большой мере жителями самих крупных городов, что сформировало своего рода «иерархию» учебных центров, между которыми перераспределя-

ется значительная доля учебных мигрантов. Этот вопрос, практически не освещенный в данной статье, нуждается в дополнительном изучении.

Второй компонент гравитационной модели – расстояние – изучался в данной работе через сегментацию на меж- и внутрирегиональные потоки. Хотя это выделение только в некоторой степени показывает значимость расстояний, но также придает вес институциональной принадлежности городов собственного региона, все же оно демонстрирует, что «расстояние имеет значение» – но не для всех центров. Притягательность Москвы, Санкт-Петербурга и даже Долгопрудного распространяется на всю Россию; Томска, Новосибирска, Красноярска – также на огромные территории.

Несмотря на высокую детальность использованных данных, мы не склонны преувеличивать их качество. Масштабы учебной миграции, особенно внутрирегиональной, скорее занижены, так как часть студентов могут не регистрироваться при переезде в крупный город из другого населенного пункта своего региона. Это может несколько занижать значения внутрирегиональной миграции, но вряд ли способно заужать зоны притяжения региональных столиц. Также в определенной мере допущением является идентификация потоков мигрантов в возрасте 18 лет строго с «учебной миграцией», что не в полной мере верно, и это показывают, например, миграционные потоки из Республики Дагестан в города Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, а также в населенные пункты, не имеющие вузов. Полагаем, что эти допущения не оказывают критического влияния на пространственные аспекты рассматриваемой миграции, так как описанные искажения и допущения едины для всей территории страны.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (ФИ-2025-47).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайтекунас С. К.* Определение миграционно-гравитационных зон городов Литовской ССР // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1973. № 2. С. 62–66.
2. *Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116.
3. *Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В.* «От Волги до Енисея…»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 48 с.
4. *Гайнанов Д.А., Атаева А.Г.* Влияние центр-периферийных отношений на молодежную образовательную миграцию // Ars Administrandi. 2021. Т. 13. № 3. С. 335–358. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-3-335-358.
5. *Замятина Н.Ю.* Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15–28.
6. *Замятина Н.Ю.* Расслоение пространства. Миграция с Севера как индикатор статусных различий городов России // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). с. 165–177.
7. *Катровский А.П.* Разграничение зон влияния Москвы и Ленинграда (на примере учебно-профессиональной миграции) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1983. № 1. С. 37–41.
8. *Катровский А.П.* Территориальная организация высшей школы России. Смоленск: Ойкумена, 2003. 200 с.
9. *Лейзерович Е.Е.* Об особенностях влияния экономико-географического положения (на примере ряда крупнейших городов СССР) и некоторых возможных путях его учета в практических целях // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1971. № 4. С. 6 –76.
10. *Мкртчян Н.В.* Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (3). С. 21–42. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17968.
11. *Мкртчян Н.В., Герасимов А.А.* Зоны миграционного тяготения городов Алтайского края // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2023. Т. 78. № 2. С. 103–112. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.9.
12. *Свентэк Ю.В.* Разработка серии карт высших учебных заведений: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. М., 1972. 24 с.
13. *Свентэк Ю.В., Тикунов В.С.* Выделение зон влияния способом итераций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 1971. № 1. С. 110–113.
14. *Смирнов А.В.* Сетевой подход к изучению миграционных потоков в СССР и России // Демографическое обозрение. 2025. № 12 (2). С. 35–68. DOI: 10.17323/demreview.v12i2.27491.
15. *Чернышев К.А., Петров Е.Ю.* Образовательное пространство депрессивного региона: исследование на основе цифровых данных // Социальные и экономические системы. 2022. № 6–2. С. 264–275.

16. *Чернышев К.А., Петров Е.Ю.* Подходы к делимитации образовательного пространства Восточной Сибири на основе изучения цифровых следов мигрантов // Территориальная организация природы и общества Сибирского макрорегиона в условиях глобальной нестабильности. Мат-лы научн. чтений, посвящ. 100-летию Ю.П. Михайлова / Отв. ред. Т.И. Заборцева. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2022. С. 151–153.
17. *Addie J.P.D., Keil R., Olds K.* Beyond town and gown: universities, territoriality and the mobilization of new urban structures in Canada // Territory, Politics, Governance. 2015. Vol. 3 (1). P. 27–50. DOI: 10.1080/21622671.2014.924875.
18. *Andris C., Andri Z.* Exploring institution-based mobility: Which universities attract athletes from distant and diverse locales? / 16th IEEE International Conference on Mobile Data Management, 2015. P. 62–67. DOI: 10.1109/MDM.2015.28.
19. *Cattaneo M., Malighetti P., Meoli M., Paleari S.* University spatial competition for students: The Italian case // Regional Studies. 2017. Vol. 51 (5). P. 750–764. DOI: 10.1080/00343404.2015.1135240.
20. *Champion T.* The United Kingdom's 'going away to university' migration and its changing impact on local populations in the twenty-first century // Local Economy. 2022. Vol. 37 (4). P. 279–296. DOI: 10.1177/02690942221114625.
21. *Ciriaci D.* Does university quality influence the interregional mobility of students and graduates? The case of Italy // Regional Studies. 2014. Vol. 48 (10). P. 1592–1608. DOI: 10.1080/00343404.2013.821569.
22. *Cullinan J., Duggan J.* A school-level gravity model of student migration flows to higher education institutions // Spatial Economic Analysis. 2016. Vol. 11 (3). P. 294–314. DOI: 10.1080/17421772.2016.1177195.
23. *Cooke T.J., Boyle P.* The migration of high school graduates to college // Education Evaluation and Policy Analysis. 2011. Vol. 33 (2). P. 202–213. DOI: 10.3102/0162373711399092.
24. *Donnelly M., Gamsu S.* 'Home and away': Social, Ethnic and Spatial Inequalities in Student Mobility. The Sutton Trust. London, 2018. 54 p.
25. *Drewes T., Christopher M.* How do students choose a university?: an analysis of applications to universities in Ontario, Canada // Research in Higher Education. 2006. Vol. 47 (7). P. 781–800. DOI: 10.1007/s11162-006-9015-6.
26. *Ehlenz M., Mawhorter S.* Higher education centers and college towns: A typology of the US metropolitan geography of higher education // Urban Affairs Review. 2022. Vol. 58 (2). P. 419–453. DOI: 10.1177/1078087420974750.
27. *Faggian A., Franklin R.* Human capital redistribution in the USA: The migration of the college-bound // Spatial Economic Analysis. 2014. Vol. 9 (4). P. 376–395. DOI: 10.1080/17421772.2014.961536.
28. *Fotheringham A.S.* Some theoretical aspects of destination choice and their relevance to production-constrained gravity models // Environment and Planning A. 1983. Vol. 15. P. 1121–1132. DOI: 10.1068/a151121.
29. *Gamsu S., Donnelly M.* Social network analysis methods and the geography of education: Regional divides and elite circuits in the school to university transition in the UK // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2020. Vol. 112 (4). P. 370–380. DOI: 10.1111/tesg.12413.
30. *Gibbons S., Vignoles A.* Geography, choice and participation in higher education in England // Regional Science and Urban Economics. 2012. Vol. 42. P. 98–113. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2011.07.004.
31. *Genova V.G., Tumminello M., Enea M., Aiello F., Attanasio M.* Student mobility in higher education: Sicilian outflow network and chain migrations // Electronic Journal of Applied Statistical Analysis. 2019. Vol. 12 (4). P. 774–800. DOI: 10.1285/i20705948v12n4p774.
32. *Hemsley-Brown, J., Oplatka I.* University choice: What do we know, what don't we know and what do we still need to find out? // International Journal of Educational Management. 2015. Vol. 29 (3). P. 254–274. DOI: 10.1108/IJEM-10-2013-0150.
33. *Hoare T.* University competition, student migration and regional economic differentials in the United Kingdom // Higher Education. 1991. Vol. 22. P. 351–370. DOI: 10.1007/BF00137030.
34. *Prakhov I., Bocharova M.* Socio-economic predictors of student mobility in Russia // Journal of Further and Higher Education. 2019. Vol. 43 10). P. 1331–1347. DOI: 10.1080/0309877X.2018.1483014.
35. *Prieto Curiel R., Pappalardo L., Gabrielli L., Bishop S.R.* Gravity and scaling laws of city to city migration // PLoS ONE. 2018. Vol. 13 (7): e0199892. DOI: 10.1371/journal.pone.0199892.
36. *Sá C., Florax R. J., Rietveld P.* Determinants of the regional demand for higher education in the Netherlands: a gravity model approach // Regional Studies. 2004. Vol. 38. P. 375–392. DOI: 10.1080/03434002000213905.
37. *Stouffer S.A.* Intervening opportunities: A theory relating mobility and distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5 (6). P. 845–867. DOI: 10.2307/2084520.
38. *Suhonen T.* Field-of-study choice in higher education: Does distance matter? // Spatial Economic Analysis. 2014. Vol. 9 (4). P. 355–375. DOI: 10.1080/17421772.2014.961533.
39. *Turley R.* College proximity: Mapping access to opportunity // Sociology of Education. 2009. Vol. 82 (2). P. 126–146. DOI: 10.1177/003804070908200202.

Статья поступила в редакцию журнала 23 декабря 2025 г.

Об авторах:

Карачурина Лилия Борисовна – кандидат географических наук, доцент, академический руководитель магистерской программы «Демография», заместитель директора Института демографии имени А.Г. Вишневского НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва.

Мкртчян Никита Владимирович – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографии имени А.Г. Вишневского НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва.

Для цитирования:
Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Зоны миграционного притяжения университетских центров России // Региональные исследования. 2026. № 1. С. 34–47.

DOI: 10.5922/1994-5280-2026-1-3

Migration attraction zones of Russian university centers

L.B. Karachurina*, N.V. Mkrtchyan**
HSE University, Moscow, Russia
** e-mail: lkarachurina@hse.ru*
*** e-mail: nmkrtcyan@hse.ru*

Migration for higher education is one of the largest and most intense migration flows in most developed countries, and Russia is no exception. The direction of educational migration flows is determined by many factors. Among these, traditionally significant determinants of the basic gravity model include the population size of the centers participating in migration exchange and the distances between them. In modern conditions, distances influence migration not only directly through the kilometers traveled, but also indirectly: through the geography of cities, the presence or absence of centers and subcenters in regions; through the decades-old network of universities and higher education centers, their status and recognition, and their affiliation with "their" or foreign region. The aim of this study is to analyze the sizes of migration attraction zones for 160 educational centers in Russia, obtained based on "incoming" migration flows from all municipalities of the country. Calculations were made for 18-year-old migrants for 2011–2021. Russian municipalities vary significantly in the outbound, unidirectional or multidirectional nature of student migration flows. Centers with extensive interregional student migrant aggregation zones and those that are purely intraregional centers are distinguished. High competition for applicants often prevents relatively large and developed university cities from exerting a dominant influence even within their own region. The size of the resulting aggregation zones of Russian cities, which ensure an influx of student migrants, depends on the population size of the centers themselves and the composition of the aggregation zone (whether or not it includes large cities), but has little to do with its area. While universities are important, the overall migration attractiveness of the centers and the direction of migration processes in the country also influence the directions of student migration.

Keywords: cities, education, youth migration, educational migration, municipalities, applicants, zones of influence.

Funding: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

Received 23.12.2025